

ОЛЕГ НИКИФОРОВ

ОХОТА

БОРЬБА
СПЕЦСЛУЖБ

СССР, США
И ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ
ЗА АРХИВЫ МГБ ГДР

ПРИЗРАКОМ

Олег Николаевич Никифоров **Охота за призраком. Борьба** **спецслужб СССР, США** **и Западной Германии** **за архивы МГБ ГДР**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64910341

*Охота за призраком. Борьба спецслужб СССР, США и Западной
Германии за архивы МГБ ГДР: Центрполиграф; Москва; 2021
ISBN 978-5-227-09473-5*

Аннотация

В книге рассказывается о попытке трех спецслужб – КГБ, ЦРУ и западногерманской БНД – получить доступ к картотеке агентурных архивов МГБ ГДР. События разворачиваются в 1989–1990 гг. в Германии. Автор в это время работал в Берлине собкором газеты «Труд», был очевидцем описываемых событий и лично знал некоторых их участников. Основное внимание уделяется попыткам ЦРУ выявить в своих рядах «крота», по вине которого США потеряли ряд агентов в важнейших научных, дипломатических и разведывательных структурах СССР. Одним из путей был доступ к картотеке внешней разведки МГБ ГДР, поскольку в Лэнгли имелись сведения о тесном сотрудничестве внешних разведок КГБ СССР

и МГБ ГДР. Эта операция носила кодовое название «Розовое дерево», и ее детали до сих пор засекречены. В целях ее реализации осуществлялась вербовочная разработка бывшего руководителя внешней разведки ГДР Маркуса Вольфа. Речь идет о международной жизни периода, когда разворачиваются события: развал СССР, объединение Германии, деятельность Главного управления «А» (внешняя разведка МГБ ГДР), связанная с попыткой сохранить свою структуру и кадры, рассказывается о методиках работы спецслужб в то время. В основе книги – воспоминания ведущих разведчиков того времени СССР, Восточной и Западной Германии, США, публикации в немецких и американских изданиях, а также личные наблюдения автора. Главные действующие лица советский сотрудник КГБ Александр и агент ЦРУ Джим являются реальными персонажами, которых уже нет в живых...

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Олег Никифоров

Охота за призраком.

Борьба спецслужб СССР, США и Западной Германии за архивы МГБ ГДР

*С точки зрения морали мир разведки – это
всегда царство теней. Ее практика зачастую
безнравственна, а ее методы грязны.*

Маркус Вольф, глава внешней разведки МГБ ГДР

*Отечество надо защищать честным или хотя
бы бесчестным образом.*

Никколо Макиавелли

© Никифоров О.Н., текст, 2021

© «Центрполиграф», 2021

Глава 1

Случай Вольфа

Генерал Новиков был службист, и хороший службист. Привычка к пунктуальному распорядку осталась у него еще со времен пребывания в должности старшего оперуполномоченного военной контрразведки. Это была третья ступенька на служебной лестнице, и занимаемая должность соответствовала званию майора, что говорило о его опыте работы. Поэтому, когда его направили после службы в контрразведке в «Лесную школу» – Краснознаменный институт КГБ тогда еще при Совмине СССР, а сейчас превратившийся в Академию внешней разведки имени Андропова, то он сразу стал «старшиной группы». Группы были небольшими и не всегда превышали десяток человек, что было удобно для учебного процесса. Генерал-лейтенант Николай Леонов, прошедший путь от слушателя тогда еще на «засекреченном объекте под Москвой», именовавшемся в его времена сто первой школой, до руководителя аналитического управления советской внешней разведки, писал в своей книге «Лихолетье: последние операции советской разведки», что командовал каждой группой полковник-воспитатель. Тот отвечал перед вышестоящим начальством «за нашу успеваемость, политическую безупречность, моральную устойчивость. Одним словом, за

все. Спецпредметы, то есть, собственно, разведывательные дисциплины, такие как „вербовка агентуры“, „связь с агентурой“, „специальная оперативная техника“, „наружное наблюдение“ и пр., преподавали бывшие разведчики, исчерпавшие свой потенциал по различным причинам».

Сотрудники контрразведки как территориальных органов, так и Второго главного управления КГБ и военной контрразведки являлись, по сути дела, основным контингентом слушателей этой разведшколы, где на одногодичных или трехгодичных курсах (основным критерием являлся уровень знания языка будущей страны пребывания) они постигали азы разведывательной деятельности. Понятно, что наиболее опытные слушатели и занимали посты «старшины» и «парторга». Как правило, все слушатели были членами КПСС. В свое время этот путь прошел и нынешний российский президент Владимир Путин.

Впрочем, другим важным контингентом учебных заведений Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР были командированные партийные работники. Но, как указывает в своих воспоминаниях последний руководитель ПГУ Леонид Шебаршин, этот же порядок – отдавать предпочтение работникам партийно-комсомольского аппарата – распространялся на МИД и, возможно, на другие учреждения. Парработники, как и все слушатели, проходили полный курс обучения в институте имени Андропова и выпускались в несколько более высоком звании, чем обычные слушате-

ли, — капитана или майора. Они назначались на более высокие, но не руководящие должности. Годы работы в партийных и комсомольских органах засчитывались в стаж воинской службы, что потом благоприятно отражалось на их пенсионном обеспечении. По мнению Шебаршина, «в их числе есть и очень способные и посредственные работники».

Командировку в ГДР осенью 1989 года генерал воспринял с интересом. Тем более что до этого он поработал на оперативной работе в боннской резидентуре КГБ и немцев, а кроме того, политику как ФРГ, так и ГДР знал досконально. Не секрет, что должность руководителя соответствующего подразделения главка, отвечавшего за немецкое направление работы, давало ему возможность и впоследствии прекрасно ориентироваться в тонких хитросплетениях германской политики.

А 1989 год, когда он выехал в качестве нового главы Представительства КГБ в ГДР, явился знаменательным для Германии, Европы, да и, пожалуй, для всего мира, поскольку это было связано с падением Берлинской стены, положившим начало объединению двух Германий. Хотя и с юридической, и с формальной точки зрения это было скорее поглощение Западной Германией ГДР. Этим событиям предшествовала значительная политическая активность на разных уровнях как руководства СССР в лице Михаила Горбачева и тогдашнего министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе, так и политического руководства ГДР. В этой связи заслу-

живает внимания высказывание Эриха Хонеккера, главы ЦК СЕПГ, которое приводит в своей книге Игорь Максимычев, тогда советник-посланник Посольства СССР в ГДР, в своей книге «Падение Берлинской стены». Хонеккер исходил из необходимости активизировать отношения с ФРГ с тем, чтобы оказывать через Бонн соответствующее влияние на союзников Западной Германии прежде всего в плане разоружения. Конечно, этот тезис вызывает определенные сомнения, и, наверное, он предназначен был именно для советских партнеров, чтобы они не слишком критически присматривались к действиям руководителей ГДР. Дело в том, что контакты двух германских государств всегда вызывали пристальное внимание политиков, и не только в СССР. Как описывает Маркус Вольф, руководитель внешней разведки ГДР до 1986 года, свои приезды в Москву в автобиографическом труде «Игра на чужом поле»: «Когда я приезжал в Москву, Крючков (тогда руководитель Первого главного управления КГБ СССР – внешней разведки) всегда провожал меня в дальнюю комнату, наливал большую порцию виски и говорил: „Ну, рассказывай, что происходит“». Это показательно, поскольку получаемая советским руководством информация о процессах, происходящих в ГДР, была во многом противоречивой. С одной стороны, генсек СЕПГ Эрих Хонеккер критически относился к возможности налаживания отношений между ФРГ и СССР, а с другой – самые большие опасения в Москве вызывала возможность неконтролируе-

мого сближения двух германских государств.

Валентин Фалин, посол СССР в ФРГ и затем первый заместитель заведующего Отделом международной информации ЦК КПСС, позднее заведующий Международным отделом ЦК КПСС и секретарь ЦК КПСС, в своей книге «Политические воспоминания»¹ (вышла в немецком издательстве «Дрёмер Кнаур» на немецком языке) говорит, что в период прихода к власти на Рейне социал-либеральной коалиции в 70-е годы прошлого века ему поступали сигналы о контактах руководства СЕПГ с функционерами западногерманского правительства. Они, с одной стороны, вызывали у части функционеров восточногерманской СЕПГ националистические, а с другой стороны – панические настроения. Со временем эти настроения начинали углубляться. Ситуация начала обостряться с началом 80-х годов. Сам Вольф задавался на страницах своего автобиографического труда вопросом о будущем ГДР.

Он пишет: «Позже я часто спрашивал себя: а может быть, Хонеккер со своими самостоятельными ходами в политике в отношении ФРГ и в зондажах в Пекине показал большую мудрость и был умнее, чем все мы, которые прежде всего старались избежать любого возможного конфликта с Советским Союзом?» И он сам отвечает, что «нет, его слабость как руководителя нельзя приукрасить. Его своенравная позиция последних лет в руководстве ГДР проистекала из дог-

¹ Falin V. Politische Erinnerungen. Droemer Knaur, 1993.

матического мышления и субъективизма, переоценки собственной персоны и полной оторванности от всякой реальности». Достаточно полную картину недоверия, царившего в отношениях политического руководства ГДР и СССР, дает описание визита Хонеккера в июне 1984 года в Москву. Сам Вольф рассказывает о нем в своей автобиографии со ссылкой на министра иностранных дел Оскара Фишера. Тогдашний советский генсек в лице Константина Черненко высказал Хонеккеру резкие упреки, обвинив его в контактах ГДР и ФРГ, подрывающих дело социализма, создающих предпосылки для националистических настроений, в сильнейшей степени угрожающих существованию ГДР. Есть описание ситуации и с советской стороны. Об острейшем кризисе между высшим руководством СССР и ГДР пишет в своих мемуарах и руководитель информационного отдела Представительства КГБ СССР в ГДР Иван Кузьмин в своих мемуарах: «Именно в предыдущий год нашел свое развитие и разрешение острейший кризис из-за „двойного решения“ НАТО – система военно-стратегических мер, принятых лидерами США, Великобритании, Франции и ФРГ 12 декабря 1979 года относительно развертывания американских ракет средней дальности в Европе как ответ на советские ракеты СС-20. Первые ракеты „Першинг-2“ поступили в Западную Германию 30 ноября 1983 года. Стало очевидно, что Э. Хонеккер ведет двойную игру с руководством КПСС. Весьма остро встал вопрос о его ответном официальном визите

в Западную Германию. Осенью 1984 года восточногерманская сторона завершала последние приготовления к этому визиту. Намерения Э. Хонеккера вызывали серьезную озабоченность советских руководителей, тем более что визит должен был состояться буквально накануне размещения в ФРГ американских ракет „Першинг-2“ и крылатых ракет. Однако, учитывая ограниченную дееспособность К.У. Черненко, лидер ГДР игнорировал советскую позицию и завершал приготовления к визиту».

Тем не менее, несмотря на неудовольствие Черненко, германо-германское сближение продолжалось, как если бы ничего не произошло. Руководство ГДР планировало визит Хонеккера в ФРГ и как ответный жест – многомиллиардный кредит. И все это, указывает Вольф, без одобрения ЦК КПСС. Советский Союз, отмечает Вольф, узнал об этом, поскольку ФРГ предала эти переговоры гласности. После этого тлеющие разногласия между ГДР и СССР превратились в открытую стычку, делает он свой вывод.

Все эти события обещали для секретных служб (и не только советских) значительный объем работы. Именно в тот период, который во многом совпал по времени с приходом в СССР к власти Михаила Горбачева, появилось новое направление работы КГБ в ГДР, так называемое направление «Луч».

Глава 2

Направление «Луч»

Относительно «Луча» существует много спекуляций от подготовки «демократического переворота» в ГДР в соответствии с представлениями Горбачева до физического устранения Хонеккера в соответствии с представлениями его предшественников. Направление «Луч» на самом деле означало всего лишь получение доверительной информации от неофициальных контактов в ГДР о состоянии дел в «первом на немецкой земле государстве рабочих и крестьян», как тогда предпочитали пафосно называть ГДР. Во внешней разведке практиковался объектовый принцип организации работы. Поэтому разработкой правительственных и партийных объектов в ГДР, как и в других социалистических странах, входивших в систему Варшавского договора, КГБ не занимался. Хотя вербовки в качестве агентов граждан ГДР, как, впрочем, и граждан других социалистических стран, для проникновения в объекты стран НАТО случались. Но при этом довольно активно использовались возможности местных спецслужб. Речь идет о проверке по учетам, установке и проведении наблюдения. Поэтому о всех привлеченных к сотрудничеству с советской разведкой гражданах ГДР МГБ ГДР, или Штази, как его неофициально называли по немец-

кой аббревиатуре – Ministerium für Staatssicherheit, располагало более или менее подробными сведениями, а многие из привлеченных к сотрудничеству были, по сути дела, двойными агентами и работали на обе спецслужбы.

Другое дело – работа с партийными функционерами, сотрудниками спецслужб или чиновниками МИДа. Вот имити и занимался «Луч», но формально подобные контакты не оформляли, да и «немецких друзей», как неофициально называли тогда сотрудников МГБ ГДР, в известность не ставили. Впрочем, контакты по линии резидентур КГБ с диппредставителями ГДР бывали и до создания направления «Луч», но они носили сугубо доверительный характер и, как правило, не оформлялись. Другими словами, в информационных телеграммах из резидентур назывались имена контактов (конечно, в зашифрованном виде), но псевдонимы, как, скажем, агентам, им не присваивались. Хотя деньги на их угощение, если таковое имело место, списывались и бухгалтерией Центра (Первого главного управления КГБ СССР) такие расходы принимались.

Всю информацию по ГДР советское руководство до создания «Луча» получало, по сути дела, из официальных контактов по государственной и партийной линии. Разумеется, существовал и обмен информацией по линии спецслужб. Но, понятно, что Москву информировали, как правило, только в том объеме, в котором это было разрешено руководством МГБ ГДР или военной разведки ГДР. Понятно, что этот объ-

ем контролировался или, правильнее сказать, дозировался высшим руководством СЕПГ.

Поэтому получение доверительной информации вне рамок официальных контактов являлось важным дополнительным источником информации, и этим занимались сотрудники КГБ, работавшие по этому направлению. Главный объем работы по «Лучу» осуществляли, как правило, сотрудники Аппарата Уполномоченного КГБ СССР по координации и связи с МГБ ГДР, и за нее нес ответственность глава представительства. У сотрудников резидентуры, располагавшейся на территории посольства, были свои задачи. Конечно, определенный объем информации поступал и из отделов, занимавшихся другими направлениями деятельности, но ГДР не являлась для них приоритетом.

Предполагается, что направление «Луч» появилось в 1987 году. В некоторых книгах, посвященных различным аспектам деятельности российского президента Владимира Путина, которые были опубликованы рядом российских издательств, в качестве автора называется некий Эрик Форд. Данных об этом писателе найти ни в русскоязычном, ни в англоязычном, ни в немецкоязычном Интернете не удастся. Возможно, это чей-то псевдоним, возможно, коллективный. Но некоторые события конца 80-х подмечены в книгах данного мифического автора верно. В частности, отмечается, что «сразу же после прихода к власти Горбачева советская разведка активизировала свои контакты с предста-

вителями интеллектуальной элиты в государствах Восточного блока с целью якобы распространить там идеи перестройки», что представляется сомнительным, поскольку таких заданий советской разведке в тот период времени не поступало. Хотя дипломатам подобные задания в общем плане и ставились. Но что касается советской разведки, следует учитывать и тот факт, что идеи перестройки не наталкивались на всеобщее одобрение ее сотрудников, особенно в последние годы деятельности Горбачева на посту генсека КПСС, а в ее руководстве во многом встречались со скепсисом. Заслуживает внимания мнение того же Шебаршина о том периоде, опубликованное в его воспоминаниях. Он пишет: «Каждая новая декларация руководства страны подтверждала, к сожалению, подозрение, что решения, определяющие судьбы страны и общества, принимаются без тщательной проработки, что наши лидеры подхвачены стихийным потоком. Ореол мудрости, всеведения и всемогущества таял. Все сферы общественной жизни охватывал кризис, а с трибун, экранов телевизоров, газетных страниц звучали многословные напыщенные и противоречивые заявления, суть которых, как правило, сводилась к тому, что мы выходим или вот-вот выйдем на интересные решения, что не сегодня завтра наступит перелом и т. п. КПСС умерла, ее государственный придаток оказывался неспособным к самостоятельному существованию. XXVII съезд не мог породить оптимизма. Та же многоречивость, взаимная нетерпимость, поглощенность пустяка-

ми и закулисная возня вокруг кадровых назначений. В первых рядах партийных президиумов оказались люди, до того сидевшие во вторых рядах. В новых лозунгах отчетливо звучали нотки ностальгии и растерянности. Все это не могло внушать ни симпатий, ни надежд. Но не вызывали радости и „демократы“, как для простоты именовали всех выступавших против старой КПСС. Эти силы обладали огромным критическим зарядом, было совершенно очевидно, что появляются новые, яркие, мужественные люди, предлагающие выбор измученному неурядицами и трудностями народу. Они говорили правду языком, свободным от лицемерного жаргона. Но мне казалось, что логичность их взглядов заканчивается сегодняшним днем и у них нет конструктивных концепций будущего общества. Настораживал поиск рецептов за рубежом. Россия неоднократно пыталась механически переносить чужие теории и учреждения на свою почву, плоды чего мы пожинаем и сегодня. Пугал идиллически-простодушный взгляд на современный мир, где нет места не только конфронтации, но и соперничеству, где каждое государство готово жертвовать своими национальными интересами ради общечеловеческих ценностей. Это не говорилось прямо, но ясно подразумевалось. И еще одно: слишком много оказалось в рядах демократов тех, кто еще вчера вершил государственные дела во имя партии и от имени партии, кто сделал карьеру в партийной иерархии, а теперь каялся, отказывался от своего прошлого. Вот почему мнения коллег в руковод-

стве КГБ относительно моих симпатий к „демократам“ были не вполне обоснованны. С большей долей уверенности меня можно было обвинять в антипатии к консерваторам, черпавшим политическое вдохновение из прошлого»².

Возможно, не всегда работа по «Лучу» оставалась в рамках доверительных отношений. В этой связи заслуживает внимания отрывок книги Эрика Форда «Путины в Германии. Слухи и факты», вышедшей в России в 2013 году³. Он пишет, что якобы еще 29 марта 1989 года начальник дрезденского окружного управления МГБ Хорст Бём подал непосредственному начальнику Путина генералу Широкову рапорт, в котором обвинил его подчиненных в попытках завербовать офицеров вооруженных сил ГДР. Очевидно, руководители к этому времени уже располагали определенной информацией о чрезмерной активности группы «Луч», и разгневанный Хонеккер поручил Бёму собрать доказательства такой «подрывной деятельности». По данным немецкого историка Ганса-Йоахима Хоппе, Бём даже должен был отдать приказ арестовать Путина по обвинению в «получении сведений, составляющих военную тайну ГДР». После «демократической революции» Бём покончил с собой. Сейчас трудно сказать, что в данном сообщении является правдой и

² Шебаршин Л.В. Рука Москвы. Записки начальника внешней разведки. М., 2017. С. 246–247.

³ <https://www.litres.ru/erik-ford/putiny-v-germanii-sluhi-i-fakty/> chitat-onlayn/page-3/

что вымыслом. Генерал-майор Бём действительно покончил жизнь самоубийством в 1989 году, но к тому времени он был уже на пенсии. Сам Путин, как известно, всегда утверждал, что с позиций руководителя такого советского учреждения, как Дом советско-германской дружбы, он занимался работой против объектов НАТО. Это было возможно через изучение граждан ГДР, имевших связи в странах НАТО. Нет сомнений, что ему приходилось координировать свою деятельность с соответствующими подразделениями МГБ ГДР и поддерживать с немецкими контрразведчиками рабочие контакты. Таким образом, будущий российский президент к деятельности группы «Луч» отношения, скорее всего, не имел. Да и особых выходов с позиций Дрездена, где он находился почти все время своей службы в ГДР, на верхушку СЕПГ у него не было. А вся внутривластная кухня ГДР «варилась» тогда в Берлине.

Понятно, что работа по направлению «Луч» была одной из многих задач советской разведки в ГДР и вряд ли ею могло заниматься большое количество лиц. Тот же Форд в своих книгах утверждает, что группа «Луч» не сумела справиться с поставленной перед ней задачей. Ее члены, мол, не смогли правильно оценить расстановку политических сил в Восточной Германии и степень революционной активности значительной части населения. Массовые демонстрации в Лейпциге и Дрездене стали якобы для них полной неожиданностью. Руководство советской разведки в ГДР было твердо

уверено в том, что полностью контролирует ситуацию в стране, хотя уже за несколько месяцев до ноябрьских событий это было не так. В результате о падении Берлинской стены в штаб-квартире Представительства КГБ в Карлсхорсте, как утверждает Форд, узнали не от офицера связи в Министерстве государственной безопасности, а из информационных выпусков западногерманского телевидения. Можно согласиться с утверждением Форда, что падение Берлинской стены стало неожиданностью для советских разведчиков, как, впрочем, и для руководства ГДР. Ведь это произошло в силу, как многие предполагают, случайности.

Глава 3

Падение Берлинской стены

С точки зрения Игоря Максимычева, занимавшего в 1989 году пост советника-посланника Посольства СССР в ГДР (то есть второго человека в посольстве), непосредственная предыстория падения стены началась 1 ноября 1989 года, когда новое руководство СЕПГ ГДР во главе с Эгоном Кренцем, сменившим Хонеккера на посту генсека, под давлением демонстрантов на улицах восточногерманских городов отменило запрет на выезд граждан республики в социалистические страны без специального разрешения властей. Это открыло канал бегства граждан ГДР в ФРГ, в частности через Чехословакию и Венгрию. 6 ноября был опубликован проект закона о выездах граждан ГДР с некоторыми ограничениями. Следует отметить, что проект этого закона согласовывался с Горбачевым, так что советское партийное руководство несет свою долю ответственности за случившееся. Как отмечал Иван Кузьмин в своих мемуарах, «после консультации с советской стороной было решено принять в экстренном порядке новый закон о выездах за границу. В результате напряженной работы МГБ, МВД, МИД ГДР и комиссии ЦК СЕПГ 7 ноября текст законопроекта был подготовлен, а 8 ноября Э. Кренц по закрытой связи („ВЧ“) имел обстоятельную беседу

с М.С. Горбачевым. Текст нового постановления был согласован, причем Горбачев дал согласие с переходом на Запад через КПП на границе с Западным Берлином. Подразумевалось, что закон вступит в силу 10 ноября, а любой гражданин ГДР может получить в полиции визу для многократного посещения ФРГ и Западного Берлина. Переход через границу будет осуществляться с разрешения полиции ГДР. А подпункт „В“ второго пункта постановления гласил: „Выезд на постоянное место жительства может осуществляться через все контрольно-пропускные пункты между ГДР и ФРГ, а также Берлином (Западным)“»⁴. На 9 ноября была назначена пресс-конференция Гюнтера Шабовски, члена ЦК СЕПГ, который должен был дать разъяснения по новому закону, который был лишь обсужден на пленуме ЦК, но не был еще внесен в правительство. Здесь, конечно, мы сталкиваемся с рядом нарушений существовавшего тогда порядка predания огласке таких решений. Объяснений, почему это произошло, нет до сих пор. Дело в том, что обязанность информировать прессу и общественность о решениях правительства лежала на представителе правительства по связям с общественностью Вольфганге Майере. Но Кренц дает поручение именно Шабовски огласить решение пленума на пресс-конференции. Шабовски, который даже не присутствовал на пленуме, вряд ли знал о нюансах развернувшейся там дискуссии по поводу свободы выезда граждан ГДР. Но он зани-

⁴ <https://proza.ru/2014/11/27/954>

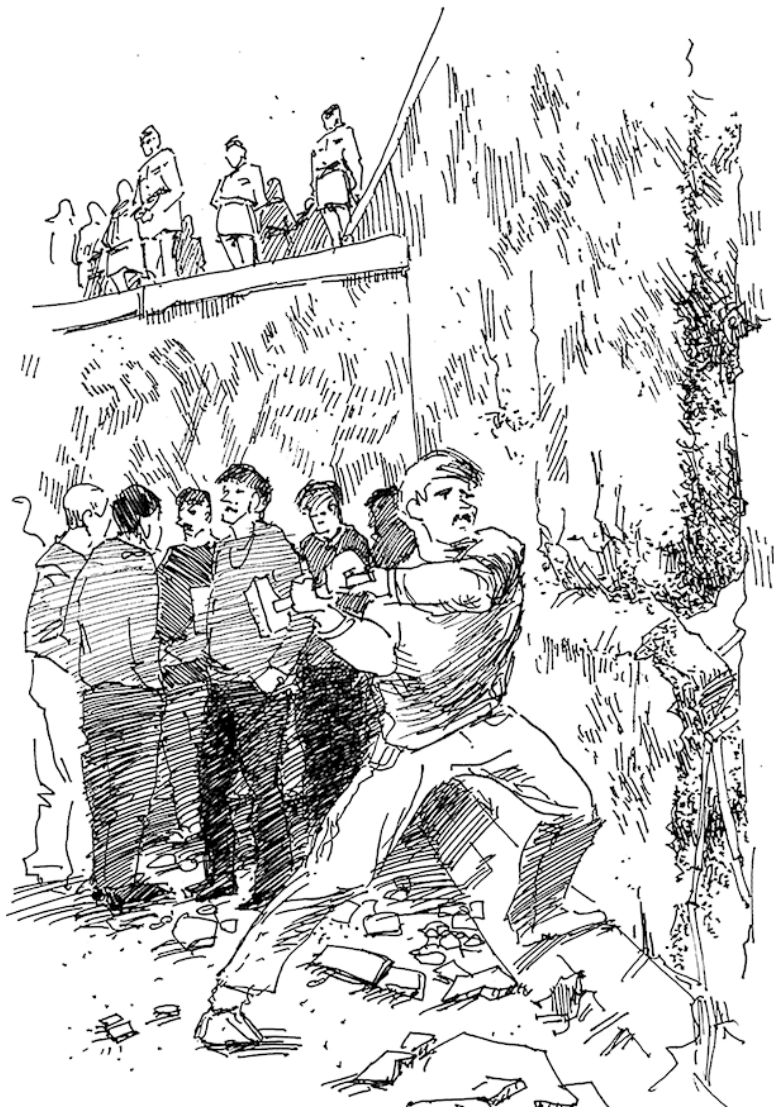
мал пост секретаря ЦК по информации. Этим обстоятельством и обуславливалось решение Кренца. Пресс-конференция транслировалась по телевидению ГДР. О решении пленума Кренц поставил в известность советское посольство.

На пресс-конференции после оглашения постановления пленума ЦК Шабовски, отвечая на вопрос иностранного корреспондента, когда оно вступит в силу, неожиданно для всех отвечает, что сейчас и немедленно. После этого судьба стены была решена берлинским населением в течение нескольких часов. Собственно говоря, падение стены и решило судьбу ГДР.

В пользу предположения, что в ЦК КПСС и, конечно, в МИДе прекрасно представляли ситуацию в ГДР, говорит факт беседы автора книги сразу после падения Берлинской стены с Николаем Португаловым, консультантом Международного отдела ЦК КПСС. С Португаловым автор встретился в здании ЦК на Старой площади. Стоит заметить на полях, что в тот период попасть в это здание, где теперь размещается администрация российского президента, было гораздо проще, пропуск выписывали по телефонному звонку с аппарата, установленному у входа.

Николай хорошо знал автора по совместной журналистской работе в Бонне и потому был довольно откровенен. Он рассказал, что в ЦК КПСС обсуждался вопрос использования советских танков для предотвращения проникновения «вражеских элементов» в ГДР, на самом деле речь шла о по-

давлении выступлений оппозиции. В тот момент на территории ГДР были расположены шесть советских армейских группировок. По состоянию на начало 1990 года Советская армия в ГДР располагала 4100 танками и 8000 бронемашин. Конечно, речь шла не столько о возможном вторжении на-товских сил, сколько о контроле внутренней ситуации в ГДР. На тот период, скорее всего, противостояния армиям НАТО уже особо не требовалось, поскольку было очевидно, что судьбу страны могли решить внутренние оппозиционные силы. Опыт подавления выступлений населения ГДР у Советской армии имелся. Как известно, в июне 1953 года, когда в ГДР начались экономические протесты рабочих, переросшие в политическую забастовку, Москва использовала войска для их подавления. 17 июня 1953 года в Берлине против протестующих была брошена 12-я танковая дивизия, дислоцированная в Карлсхорсте, тогда одном из пригородов Берлина. Всего в подавлении волнений по всей ГДР участвовало 16 советских дивизий, из них только в Берлине 3 дивизии с 600 танками. Вечером 17 июня в городе действовало около 20 тысяч советских солдат и 15 тысяч служащих казарменной полиции ГДР. Конечно, повторение варианта 1953 года было в принципе возможно. Но, как сообщил автору Николай, на совещании возобладало мнение, что сделать уже ничего нельзя, поскольку ситуация полностью вышла из-под контроля властей ГДР.

К тому же Горбачев был противником силовых методов во взаимоотношениях с братскими партиями социалистических стран. Как рассказывает вышеупомянутый Игорь Максимычев, тогдашний посол СССР в ГДР Вячеслав Кочемасов в марте 1989 года изложил в берлинском посольстве указания Горбачева на совещании с послами СССР в социалистических странах в середине марта 1989 года. Основные тезисы в выступлении Горбачева сводились к следующему: полное равноправие с друзьями, ничего не навязывать, будем делиться опытом, но не будем брать на себя ответственность за то, что они должны решать сами. Несомненно, это противоречит утверждениям Эрика Форда о навязывании горбачевской модели. Кстати, к следующим предположениям Эрика Форда о якобы неожиданности падения Берлинской стены для Москвы следует добавить, что информация о положении двух германских государств поступала в Москву по линии легальной разведки, то есть сотрудников ПГУ, работавших под прикрытием дипломатов, советских коммерческих структур и журналистов и замыкавшихся на резидентуры КГБ в ФРГ (в Бонне, Мюнхене и Гамбурге) и в Берлине, а также по линии нелегальной разведки, имевшей собственные структуры и каналы связи.

Поэтому, с большей долей вероятности, публикации Форда могут преследовать вполне очевидную цель, которую в разведке принято обозначать как активные мероприятия, то

есть попытку оказания воздействия на общественное мнение с вполне определенной целью.

Ситуация при проведении советской внешней политики усугублялась упомянутым дипломатом Максимычевым дуализмом. Дуализм обуславливался тем, что в Международном отделе ЦК КПСС работали опытные германисты, а в МИДе появились абсолютно новые люди. Горбачев стремился проводить новую политику перестройки не только внутри страны, но и в международных делах, и поэтому он нуждался в новых помощниках, не запятнанных конфронтацией в период холодной войны. Именно поэтому он заменил опытного Андрея Громыко на знакомого комсомольского работника. К тому же Горбачев воспринимал Громыко как конкурента на внешнеполитической сцене и, главное, вряд ли мог им управлять, в отличие от людей, которые были лично обязаны ему своим возвышением. Речь идет об Эдуарде Шеварднадзе. Сам Горбачев, вспоминая Шеварднадзе, говорил, что тот «был мой друг еще по комсомолу... Эдуард работал первым секретарем ЦК ВЛКСМ Грузии. А я был секретарем соседнего с Грузией Ставропольского крайкома ВЛКСМ»⁵.

О деятельности Шеварднадзе известно немного. Но автору книги удалось поговорить в советском МИДе с Чрезвычайным и Полномочным Послом Теймуразом Мамаладзе (в «Комсомолке» его дружески называли Тимуром), с которым он близко сошелся в 1982 году во время освещения чемпио-

⁵ <https://www.kp.ru/daily/26252.5/3132481>

ната мира по футболу в Испании. Тогда автор поехал в Испанию из Вены, где работал собкором «Комсомольской правды», для написания статей по чемпионату, а в помощь ему отправили из Тбилиси Тимура, поскольку в прошлом он работал заведомом «Комсомолки» и был довольно уже известным писателем. Автору пришлось обслуживать старшего товарища, добывая ему информацию, которую он обрабатывал в качестве статей за двумя подписями. Эту историю стоило рассказать для понимания уровня его отношений с Тимуром, которые были доверительными. Ведь Тимур не владел иностранными языками и полностью зависел от предоставляемой ему информации. Позднее Тимур выпустил книгу о чемпионате под названием «Танго Испания»⁶. В подаренном автору экземпляре говорится: «Олегу Никифорову, коллеге и товарищу по испанским „битвам“ с первой и до последней страницы этой книги – ее герою и участнику...»

В Москву Тимур и попал после того, как Эдуард Шеварднадзе по предложению Горбачева занял пост министра иностранных дел СССР и заменил опытного дипломата с многолетним опытом, каким был Андрей Громыко. Естественно, что Шеварднадзе поспешил окружить себя земляками. Шеварднадзе, по словам Тимура, полностью ориентировался на Горбачева и разделял его позицию по Германии. Как истый грузин, он был падок на лесть со стороны людей, которых он воспринимал как более знающих и опытных. Именно этим и

⁶ *Мамаладзе Т.Г.* Танго Испания. Тбилиси, 1983.

обуславливалась на начальном этапе его карьеры в качестве дипломата дружба с таким опытным политиком, как глава западногерманского МИДа Ганс-Дитрих Геншер. Тимур высоко отзывался о Геншере, и у автора создавалось впечатление, что Тимур его просто боготворит. Разумеется, это было отголоском отношения самого Шеварднадзе к немецкому политику. Тимур подтвердил автору этот факт, как и наличие дружеских отношений Шеварднадзе и с тогдашним американским госсекретарем Джеймсом Бейкером.

В статье, опубликованной в память о Шеварднадзе, немецкая газета *Welt* отмечала «конструктивную роль», которую сыграл тот в процессе переговоров об объединении

Германии. Речь шла о механизме переговоров четыре плюс два или два плюс четыре. В первом случае ведущую роль должны были бы играть державы-победительницы (во Второй мировой войне), то есть СССР, США, Великобритания и Франция. А во втором случае два германских государства – ФРГ и ГДР. Другими словами, речь шла о том, кому будет принадлежать решающий голос, отдавался он немцам или оставался бы у СССР, Франции, Великобритании и США. Шеварднадзе решил этот вопрос, как известно, в пользу немцев.

В своих воспоминаниях, опубликованных в «Независимой газете», Горбачев писал: «26 января 1990 года в своем кабинете в ЦК КПСС я провел узкое совещание по германскому вопросу. Пригласил Рыжкова, Шеварднадзе, Яковлева, Ахромеева, Крючкова, Фалина, Черняева, Шахназарова и сотрудника Международного отдела ЦК, специалиста по Германии – Федорова. Дискуссия продолжалась около четырех часов, временами была жесткой. (Напомним, что в тот период Николай Рыжков занимал пост Председателя Совета министров СССР, Александр Яковлев, один из идеологов перестройки, был членом Политбюро ЦК КПСС, Сергей Ахромеев – начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР, Владимир Крючков руководил КГБ СССР, Анатолий Черняев был помощником Горбачева, а остальные участники совещания работали в Международном отделе ЦК КПСС.)

Констатировали, что для проведения своей германской политики у нас в ГДР, по существу, уже нет никакой опоры, а в ФРГ мы имеем прямой выход на правительство, лично на Коля, и у нас неплохие отношения с оппозицией – СДПГ.

Встал вопрос – на кого лучше ориентироваться в наших действиях. Одни выступали за то, чтобы только на Коля—Геншера, другие предпочитали социал-демократов. Предпочтительность Коля объяснялась тем, что с ним уже налажены тесные доверительные контакты, он заинтересован в том, чтобы воссоединение было увязано с общеевропейским процессом. Кроме того, канцлер должен оглядываться на союзников по НАТО, которые могут оказывать и сдерживающее влияние.

В пользу ориентации на СДПГ особенно горячо высказывались Фалин и Федоров. Их поддерживали, правда, не очень последовательно, Яковлев и Шахназаров. Рыжков считал, что „не надо отдавать все Колю“. Крючков был готов присоединиться к тому, чья возьмет, но неоднократно напоминал, ссылаясь на информацию своих людей, что СЕПГ уже нет как таковой, а государственные структуры ГДР разваливаются».

Глава 4

Формула объединения Германии

«Была выдвинута идея „шестерки“, то есть совещания ad hoc в составе СССР, США, Англии и Франции, то есть держав-победительниц, и двух Германий – ФРГ и ГДР, для обсуждения и решения европейских и международных проблем, которые неизбежно будут затронуты объединением Германии.

Подытоживал я наше совещание так:

- поддержать идею „6“;
- ориентироваться в основном на Коля, но СДПГ не игнорировать;
- пригласить Модрова и Гизи в Москву;
- с Лондоном и Парижем держаться теснее;
- Ахромееву готовить вывод войск из ГДР, причем, как я тогда сказал, „проблема эта более внутренняя, чем внешняя: 300 тысяч военных, из них 100 тысяч офицеров с семьями. Их куда-то надо девать!“

Как видите, вопрос – соглашаться или не соглашаться на объединение – даже не возникал. Процесс этот уже приобрел неудержимую силу, и сопротивляться было бессмысленно. Никому из участников совещания это не пришло в голову. Главная забота была – сохранить процесс в мирном русле

и обеспечить свои интересы и всех, кто будет им затронут. Для чего – подключить, прежде всего, державы-победительницы, которые по итогам войны несли определенную ответственность за судьбы Германии»⁷.

В принципе имелись две возможные формулы решения германского вопроса в плане объединения двух германских государств. Речь идет о том, кто будет определять условия объединения – или державы-победительницы во Второй мировой войне, или сами немецкие государства. Хотя в последнем случае было понятно, что в условиях экономического доминирования Западной Германии и резкого ослабления государственной власти в ГДР формулу объединения диктовала бы именно ФРГ.

Надо отметить, что проблема объединения Германии встала на повестку дня сразу после ее поражения во Второй мировой войне и разделения страны на 4 оккупационные зоны: советскую, американскую, британскую и французскую. В этой связи нелишне напомнить о забытой современными историками так называемой «Ноте Сталина». «Нота Сталина» – западное название дипломатического документа (ноты) СССР от 10 марта 1952 года, по объединению Германии, также известная как «мартовская нота» или «мирная нота», выдвинутая СССР, в которой предлагалось всем оккупационным державам (Великобритании, Франции, США, СССР) незамедлительно и при участии германского правительства

⁷ <http://www.ng.ru/ideas/1999-09-07/kak.html>

начать разработку мирного договора с Германией, проект которого прилагался. СССР готов был согласиться на объединение страны, допустить существование немецкой армии, военной промышленности и свободной деятельности демократических партий и организаций, но при условии неучастия Германии в военных блоках. Это привело к «битве нот» между западными державами и Союзом, вследствие этого Запад фактически отверг советское предложение, настаивая на том, что объединенная Германия должна быть свободной для вступления в НАТО. Канцлер Конрад Аденауэр и западные державы усмотрели в действиях Союза агрессию, выражавшуюся в попытке тормозить процесс западноевропейской интеграции Германии, а также угрозу того, что свободная и демилитаризованная Германия может быть «втянута в советскую орбиту». «Сталинская нота» была документом, переданным представителям западных союзных держав (Соединенного Королевства, Франции и Соединенных Штатов) из зоны советской оккупации 10 марта 1952 года. Советский лидер Иосиф Сталин выдвинул предложение о воссоединении и нейтрализации Германии без каких-либо условий для экономической политики и с гарантиями «прав человека и основных свобод, включая свободу слова, прессы, религиозных убеждений, политических убеждений, деятельности демократических партий и организаций». Джеймс Варбург, член Комитета Сената США по международным отношениям, выступая перед комитетом 28 марта 1952 года, заметил,

что советское предложение может быть блефом, но «наше правительство боится называть его блефом из-за страха, что он может не оказаться им» и привести к «свободной, нейтральной и демилитаризованной Германии», которая может быть «сорвана на советскую орбиту». Это привело к обмену нотами между западными союзниками и Советским Союзом, который в конечном итоге закончился требованием западных стран предоставить объединенной Германии право свободно присоединиться к Европейскому оборонному сообществу и быть ремилитаризованной, которое было отклонено Сталиным. Канцлер Конрад Аденауэр и западные союзники в то время называли этот шаг Сталина агрессивными действиями, которые пытались остановить реинтеграцию Западной Германии. Однако впоследствии возникли споры о том, упущен ли шанс на воссоединение. Через шесть лет после обмена два немецких министра, Томас Дехлер и Густав Хайнеман, обвинили Аденауэра в том, что он не исследовал возможность воссоединения.

Позиция Сталина не была случайным капризом диктатора, а весьма продуманным шагом. Валентин Фалин писал по этому поводу в своих воспоминаниях⁸. Позиция Сталина по Германии была выработана еще до Потсдамской конференции 4 июня 1945 года, и она была подтверждена, по оценке Фалина, в январе 1946 года: «Разделение Германии означало бы слабость и вело бы к безоговорочному господству

⁸ Фалин В.М. Указ. соч. С. 305, 309.

Америки». Важным для Сталина был статус Германии после объединения. Фалин напоминает о беседе Сталина с Пьетро Ненни, который тогда занимал пост руководителя партии итальянских левых социалистов. По словам Сталина, «объединение непременно состоится, если будет выполнено главное требование, а именно мирный договор, который будет содержать приемлемый для СССР военный статус (объединенной) Германии». С тех пор прошло почти 40 лет, но ситуация к моменту объединения Германии не изменилась.

10 февраля 1990 года Валентин Фалин направил Горбачеву докладную записку, в которой говорилось, что «между СССР, ФРГ и ГДР нет разногласий по проблеме единства германской нации и касательно права немцев сделать собственный выбор о государственной форме такого единства». Но важны следующие строчки этого доклада. Фалин отмечает, что «германская проблема не сводится к объединению страны и удовлетворению чаяний лишь немцев. Она затрагивает как непосредственных соседей Германии, так и ситуацию в Европе и в мире. Следовательно, при ее решении должны адекватно приниматься в расчет как интересы самих немцев, так и законные интересы других народов». Фалин понимал, что «на примере Германии опробываются базисные решения „общеевропейского дома“, включавшие коллективную безопасность, правила добрососедского ведения экономических, экологических, культурных, а также политических дел». Далее, и тут мы переходим к формулам

объединения, Фалин указывает, что «статья 23 Основного закона ФРГ призвана не столько упростить до предела процедуры поглощения ГДР, сколько легализовать асимметрию в обращении с правами СССР и трех держав и с обязательствами ГДР и Бонна». Напомним, что в статье 23, по которой и произошло воссоединение Германии, указывается, что она распространяет свое действие первоначально не на всю Германию, а лишь на конкретные немецкие земли, а в других частях вступит в действие после их присоединения к области действия основного закона. Объединение по схеме «два плюс четыре», считал Фалин, лишало СССР всех основных прав как державы-победительницы. Он отмечает, что «мы могли бы парировать вызывающее поведение западных немцев указанием на то, что ГДР в принципе не может самоликвидироваться. Абсурден вариант, при котором государство, решая свою судьбу, тем самым меняет правовой статус территории, где размещена мощнейшая группировка иностранных войск».

Фалин, по сути дела, смотрел в будущее, в нынешнюю ситуацию в Европе. Он отмечает в записке, что «без соблюдения принципа равенства и баланса интересов немыслима стабильность в Европе, особенно когда на карте национальная безопасность». И далее «проявляя заботу о собственных правах, интересах и достоинстве, ФРГ фактически дискриминирует советские интересы, что не может оставлять осадка на будущее». Его вывод звучит как зловещее пророчество:

«Окончательное урегулирование (условия объединения Германии по формуле «два плюс четыре») призвано отменить права СССР, вытекающие из войны и послевоенного развития, и освободить Германию от всяких обязательств, которые по логике вещей должно нести государство – виновник войны. Срок давности по военным событиям не применяется даже к людям, здесь он распространяется на целую страну».

Понятно, что Горбачев не мог не учитывать мнения одного из основных советских экспертов по Германии. Поэтому Шеварднадзе и поступило указание в переговорах по проблеме объединения Германии защищать формулу «четыре плюс два».

Вопрос был ясен, но 13 февраля 1990 года министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе провел в Оттаве пять бесед с Дж. Бейкером, три – с Г.-Д. Геншером, переговоры с министрами иностранных дел Франции, Великобритании, Польши и других стран Варшавского договора. Эти напряженные дипломатические контакты завершились созданием «шестерки» по формуле «два плюс четыре» для обсуждения внешних аспектов достижения германского единства, включая вопросы безопасности соседних государств. Другими словами, приоритет по решению проблем объединения был отдан самим немцам. Согласившись на формулу «два плюс четыре», Шеварднадзе тем самым нарушил полученные в Москве инструкции. Валентин Фалин так пе-

редакт слова помощника Горбачева Анатолия Черныева после его беседы с министром по возвращении того из Оттавы: «Возмутительно, Михаил Сергеевич специально обращал его внимание, что для нас приемлема только формула «четыре плюс два». В телеграммах со встречи и по прибытии [Шеварднадзе] ни намеком не проговорился, что нарушил директиву. Представьте, я не позвонил бы в МИД, и заявление вышло в первоначальной редакции! Интуиция подсказала – перепроверься. Спросил, как же так? Хотите знать, что Шеварднадзе ответил? „Геншер очень просил, а Геншер – хороший человек“»⁹. Как специалист по германскому вопросу, Фалин считает эту уступку серьезным просчетом советской дипломатии и лично Шеварднадзе. «Права решающего голоса, – отмечал он, – лишилась не только советская сторона, но и Англия, и Франция. То есть возникла совершенно новая переговорная конструкция. Двое договариваются и дают на апробацию четырем».

В сущности, согласие на формирование механизма «два плюс четыре» означало ориентацию на позицию Бонна и Вашингтона при ослаблении взаимодействия с Парижем и Лондоном.

Сейчас есть много версий случившегося, почему Шеварднадзе внезапно отошел от данных ему инструкций. Но серьезного расследования этого никто не проводил. Сыграло ли решающую роль неопытность Шеварднадзе или оба-

⁹ Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999. С. 447.

ание Геншера (или иные факторы), вряд ли нам удастся узнать. Подавляющее большинство участников этих событий уже ушли из жизни. Справедливости ради следует сказать, что, возможно, Шеварднадзе пытался предугадать пожелания Горбачева. В данном случае ключевым моментом для понимания действий Горбачева является визит канцлера Коля в Москву 10 февраля 1990 года. Как отмечает Игорь Максимычев, занимавший в тот период пост советника-посланника Посольства СССР в Берлине, в своей книге «Падение Берлинской стены», «до 10 февраля 1990 года наиболее вероятным путем к единству Германии оставалось достижение договоренности между всеми шестью участниками переговоров об объединении Германии и, таким образом, сохранение хотя бы формального равноправия ГДР и ФРГ на период строительства единого германского государства». О том, что произошло 10 апреля, лучше всего свидетельствуют записи переговоров Горбачева и Коля, сделанные Хорстом Тельчиком, в тот период времени советником канцлера Коля. Максимычев цитирует его слова: «Это прорыв! Горбачев дал согласие на объединение Германии». Что же произошло на этой встрече?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.